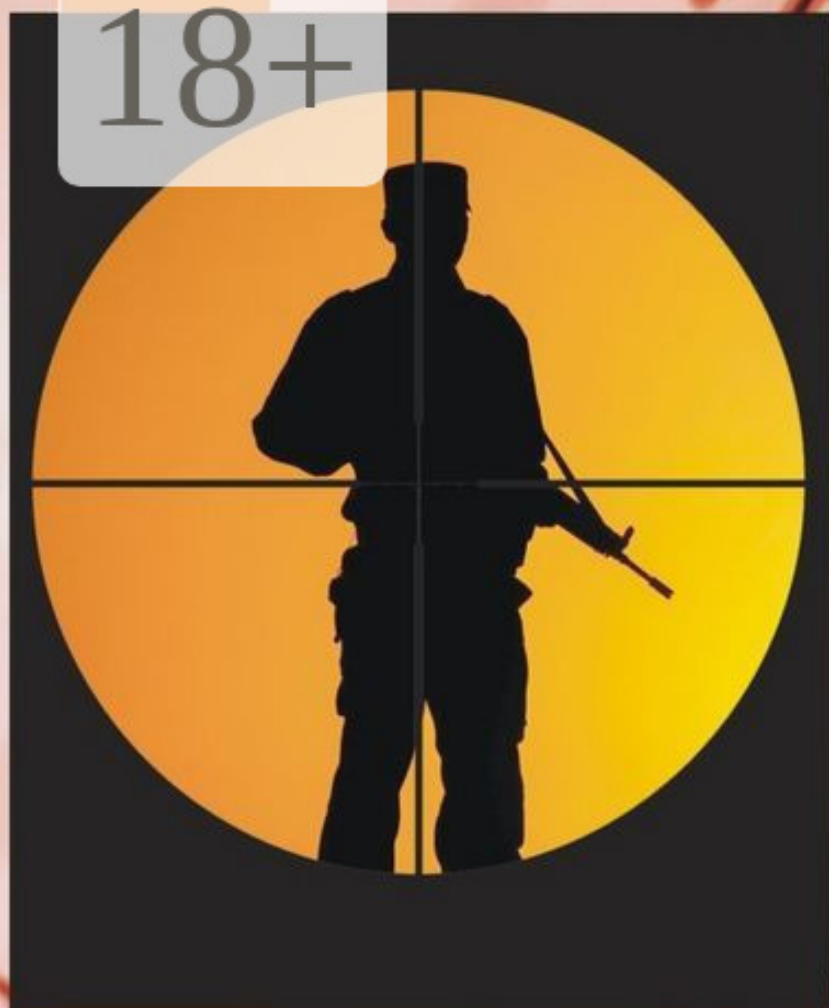

18+

Горос

НОВЫЙ РАСКОЛ

Горос

Новый Раскол

«Издательские решения»

Горос

Новый Раскол / Горос — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515226-8

Когда много лет назад единое государство раскололось на две республики — Восточную и Западную, политики приложили к карте линейку и провели черту, обозначив таким образом границу. Но черта эта аккурат прошла через поселок Новый Раскол. Впрочем, местных не смущали ни колючая проволока, разделившая поселок, ни КПП со шлагбаумами, ни расположенные неподалеку погранзаставы. Они продолжали жить так, словно и нет никакой границы. Но лишь до тех пор, пока Восток и Запад не оказались на пороге войны...

ISBN 978-5-00-515226-8

© Горос
© Издательские решения

Содержание

Часть I. Мир	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Новый Раскол

Горос

Эта история – выдумка, такое никогда не происходило на самом деле. И я искренне надеюсь, что она так и останется лишь порождением моего воображения. Но самое страшное то, что подобное все-таки может произойти. Причем жертвой схожих обстоятельств запросто окажется любое существующее на планете государство.

Это рассказ не о тех, кто смотрит на мир как на стратегическую карту, маскируя свою алчность речами об общественном благе, кто оценивает человечество по курсу рубля, евро или доллара и меряется, у кого длиннее нефтепровод, ставя на кон в спорах человеческие жизни. Это рассказ о людях, которые хотят жить, любить, быть счастливыми, но вынуждены умирать, не понимая, во имя чего. Это история не о причинах войны, а о ее жертвах и последствиях...

Дизайнер обложки Горос

© Горос, 2020

© Горос, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-5226-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. Мир

В детстве мы любили играть в войну, или, как мы ее ласково называли, войнушку. Стоило по телевизору пройти какому-нибудь фильму со стрельбой и сражениями, как его действие мгновенно переносилось на улицу: толпы мальчишек строга́ли мечи, посмотрев фильм о богатырях или рыцарях; после фильма о мушкетерах мечи заменялись на шпаги; следом за кинокартинами о Первой или Второй мировой на смену клинкам приходило огнестрельное оружие.

Лично я в этих играх, беря в руки меч, шпагу или винтовку, чаще всего направлял их против воображаемых врагов своего народа. Обычно я представлял себе тех, с кем когда-то довелось воевать моим предкам (ведь именно этих супостатов, разгромленных и в панике бегущих, показывали в патриотических фильмах). И таковых на эту роль находилось немало: немцы, французы, итальянцы, американцы, монголы, китайцы, японцы... Вообще, мой народ гордится своим боевым прошлым. За тысячу с лишним лет своей истории он воевал непрерывно. Пожалуй, не найдется в мире нации, с которой мои предки не сходились на поле брани. А если таковые и есть, я бы на их месте не зарекался, что этого не случится в будущем, ведь мы не в ответе за дела потомков... И, сидя в воображаемом окопе, сжимая в руке деревянный «пэпэша», сделанный из палки с прибитой снизу консервной банкой вместо магазина, я искренне ненавижу каких-нибудь немцев. Немцев, которые к тому времени уже полвека мирно жили на своей земле и никого не трогали. Немцев, которые лично мне ничего плохого не сделали. Но немцев, от пуль которых когда-то давным-давно пал в бою мой дед. И я не думал о том, что, возможно, где-то там, в далекой Германии, точно так же в импровизированном окопе сидит немецкий мальчуган с каким-нибудь деревянным МП-40 в руках и тоже искренне ненавидит мой народ, в бою с которым когда-то давным-давно пал и его дед. При этом ни он, ни я даже не задумывались о причинах, которые толкнули наших отважных дедов стрелять друг в друга.

Действительно, почему это вдруг два народа, мирно живущие на своей земле, сеющие хлеб, строящие дома, воспитывающие детей, мечтающие о счастливом будущем, вдруг берут в руки оружие и идут друг друга убивать? Кто-то скажет, что представители одного из них (того, который в итоге проиграл) были просто-напросто зверьми, решившими поработить или истребить другие нации... А вот лично я не верю, что дед того немецкого мальчугана, сжимающего деревянный МП-40, был зверем. Хорошим солдатом – возможно! А вот зверем – вряд ли! Таковым его после войны прозвали победители, которые, как известно, пишут историю. Как и мой дед зверем не был, хоть и, воюя, лишил жизни нескольких человек. На самом деле и тот и другой лишь честно исполняли свой долг (Конечно же, тут я говорю о большинстве людей и не беру в расчет тех немногих кровожадных психопатов, идущих воевать, чтобы удовлетворить свои садистские желания. Таковые есть в каждом обществе независимо от политического строя, идеологии и того, на чьей стороне они воюют). И пора бы уже признать, что наши героические предки в тех тысячах войн, что гремели на нашей многострадальной планете, чаще всего шли в бой вовсе не из-за патологического желания причинять кому-то боль, кого-то поработить или по иным злобным причинам. Быть может, этого желали те, кто отправлял их на войну... Уверен, все те люди, кто сражался и умирал, с гораздо большим удовольствием вместо этого и дальше бы сеяли, строили, воспитывали, мечтали... А гибли они лишь потому, что горстка людей, стоявшая во главе народа, однажды вдруг решила доказать другим, что ее идеология – самая идеальная, вера – самая верная, вооруженные силы – самые вооруженные и самые сильные... Но разменной монетой этого спора всегда были человеческие жизни! И военным трофеем у выживших независимо от того, чья сторона взяла верх, после окончания кровопролития оставались лишь ненависть и боль потерь.

У меня был брат Мишка. Был – потому что сейчас для меня его как бы нет. И меня для него, наверное, тоже... Зато когда-то мы росли вместе и были не только братьями, но и друзьями. Что, кстати, важно! Хотя, случалось, дрались. Не без того. Вот взять, например, день, когда сделано то памятное фото – единственное, на котором последние лет двенадцать я мог видеть лицо брата.

Помню, как мы, прижимая к груди автоматы, осторожно шли по узенькой тропинке, вздрагивая от каждого шороха. Я шел впереди всех, ведь я командовал отрядом! И очень гордился этой почетной должностью, как и своей пилоткой с кокардой и отлично сделанным своими руками игрушечным оружием. Нам всем было от силы по десять лет. Мы играли в войну.

Помню, как я услышал впереди голоса, замер и дал знак остановиться. Мои короткоштанные бойцы мигом рассыпались по кустам. Нам навстречу шел другой отряд – таких же суровых юнцов. Мы не атаковали, подпускали поближе. Но наш план провалился: один из моих подчиненных задел какую-то чересчур трескучую ветку.

– Засада! – раздался крик на дорожке.

И тут же со всех сторон грянуло: «Тра-та-та-та-та!»

Как же я ненавидел в тот момент раскрывшего наш хитрый замысел противника. Как же я поливал врагов воображаемым огнем!... Причем та и другая стороны считали себя партизанами, а своих противников – оккупантами.

Но вот дорожка опустела. Правда, опустели и наши кусты. Вокруг лишь валялись тела «сраженных» врагов и товарищей. Однако я «выжил» и видел, что остался один враг. Тот также заметил меня. Краем глаза я наблюдал, как он крадется в зарослях, пытаясь зайти мне в тыл, чтобы застать врасплох. Я сделал вид будто не вижу его, подпустил поближе. А потом, резко развернувшись, что было мочи заорал:

– Та-да-да!.. Падай, ты убит!..

Да только он не упал! Более того, он вдруг стал доказывать, будто «выстрелил» первым и что это мне следует грохнуться на траву рядом с поверженными товарищами. Наш спор длился недолго. Я был на пару лет старше, а в детстве, как известно, это довольно весомое преимущество. А потому я недолго думая пустил в ход свой на тот момент главный аргумент – кулаки. Мы повалились на землю, беспощадно колошматя друг друга. Этим довольно часто заканчивались наши ссоры с братом. И несмотря на то что чаще всего верх оставался за мной, мои победы все равно проблемы не решали: даже будучи побитым, Мишка отказывался признавать мою правоту. Зато, как всегда в подобных разногласиях, в итоге права оказывалась наша бабушка, которая, качая головой, растаскивала нас в стороны и, разглядывая синяки и ссадины непримиримых внуков, приговаривала:

– Что ж вы делаете, окайнные? Вы же родненькие! Вы ж заступаться друг за дружку должны! А вы!..

После этих слов нам становилось очень-очень стыдно, и мы мирились. Благо в то время для перемирия достаточно было соединить мизинцы и произнести незамысловатый стишок: «Мирись, мирись, мирись и больше не дерись...»

Так и в тот раз во время драки после неудачной засады нас вдруг ловко развели в стороны сильные заботливые бабушкины руки.

– Вы же братья родные, а деретесь, словно враги лютые! – устыдила нас бабуля.

Мы молчали, опустив головы, исподлобья злобно поглядывая друг на друга.

– А ну, миритесь!

С бабушкой мы не спорили. Ее авторитет никогда не подвергался сомнению, ведь ей было за семьдесят. Раз бабушка сказала мириться, значит, так надо. И мы протянули друг другу мизинцы. И в этот самый момент один наш дворовый приятель шелкнул затвором своего старенького фотоаппарата ФЭД. Так и появилось на свет это фото. На нем мы навеки остались

в рваных рубашках, пилотках цвета хаки, с деревянными автоматами да расквашенными братскими кулаками носами.

А на следующий день, на семьдесят третьем году жизни, наша бабушка умерла. Вскоре после этого стало ясно, что она умудрялась примирять не только нас с братом, но и наших родителей. Не прошло и недели после похорон, как наши мама и папа разругались в пух и прах. А спустя еще месяц родители подали на развод. Мама с Мишкой уехали на запад страны, к ее родственникам, мы же с отцом остались на востоке. Когда же в правительстве случился политический переворот и наша некогда единая держава раскололась на две части, мы с Мишкой стали жителями двух различных государств. Поначалу мы слали друг другу письма «за бугор», но с каждым годом все реже, а потом и вовсе потеряли контакт. Я знал лишь, что после окончания школы он поступил в какой-то строительный техникум. Я же решил связать судьбу с армией и пошел в военное училище.

И вот впервые за много лет я решил снова повидать брата...

– Сын? – спросил водитель, заметив, что я разглядываю старую пожелтевшую фотографию.

– Нет. Брат. – Я убрал фото в военный билет. – Далеко еще?

– До Нового Раскола-то? Всего пяток километров. Как поднимемся вон на тот холм, так, считай, приехали.

Я взглянул вперед, туда, где голубым небом словно отсекалась вдаль серая лента дороги, и меня снова охватили сомнения. Быть может, я зря затеял эту поездку? Я сотни раз представлял себе нашу встречу, и в эти моменты меня захлестывали то радость, то тревога. Вдруг он будет не рад меня видеть? Ведь на самом деле нас теперь разделяют не просто какие-то пять километров, а целых двенадцать долгих лет...

«...Как отмечают политические аналитики, назревающий вооруженный конфликт в Средней Азии серьезно накалил отношения между Восточной Республикой и нашим западным соседом», – прохрипел сквозь помехи голос диктора.

Водитель повернул ручку настройки радио и прибавил громкость.

«Как мы уже сообщали, – продолжал диктор, – правительство Запада решило поддержать страны, проголосовавшие за начало боевых действий в Средней Азии, тогда как руководство нашей страны категорически против подобных радикальных мер. Многие всерьез опасаются, что сложившаяся ситуация может перерасти в открытый конфликт между нашими государствами. Как признался в недавнем интервью министр по международным отношениям Марк Таврин, еще ни разу за годы своего существования Восток и Запад не находились так близко к порогу войны...»

– Тьфу ты, чтоб их всех!.. – Водитель нервно вырубил у радио звук. – Они там чепухой занимаются, а шишки, как обычно, в нас летят. И так уже последний десяток лет к родной дочке через границу ездить приходится. Мало им было распилить пополам страну, так надо еще и заставить нас в глотки друг другу вцепиться!

– Думаете, будет война? – осторожно спросил я.

– Скажешь тоже, война... – усмехнулся водитель. – Как обычно, на парламентах потреплются да разойдутся. В первый раз, что ли? Да и с кем воевать-то? Мы же один народ! Политики говорят, мол, двенадцать лет назад мы все пожелали, чтобы часть страны отсоединилась... Хрена с два это были мы! Никто из нас, простых людей, и не помышлял о таком. Да и от кого отсоединяться-то? От своих сестер и братьев? Я сам родился на Западе, жена – на Востоке. Дочь еще до раскола за западника замуж выскочила, а картошку до сих пор у нас на даче тут, на Востоке, сажают. Вот тебе и разные страны! Толку-то, что границу нарисовали, а живем как жили, только что паспорта отличаются. Так что ж нам, самим с собой воевать, что ли?

– И все-таки... А вдруг начнется?

– Вот ты – человек военный. – Водила покосился на мои лейтенантские погоны. – И что же, ты хочешь войны?

– Нет конечно! Кто ж ее хочет-то? Но если прикажут...

– Прикажут... – хмыкнул водитель. – А своя голова на плечах есть?

– Я присягу давал!

– То бишь за тебя другие думают, – с усмешкой подытожил водитель. – И даже если скажут в родного отца стрелять...

– Что ж вы сразу-то в крайности? – обиделся я.

– Почему же в крайности? Вполне реальный пример. – Водила с хитрецей глянул на меня. – Такое ведь не раз бывало: отец по одну сторону, сын – по другую. Ну так что, коли прикажут, неужто не выстрелишь?

Я не ответил, молча смотрел на несущиеся навстречу белые штрихи дорожной разметки. Хотя, признаться, задумался: а стал бы или нет?

– Да ладно ты, расслабься, – махнул рукой водитель. – Этого делать не придется. Потому как, я тебе так скажу, нет такой силы, которая заставит нас стрелять друг в друга. Народ же не дурак. Что бы мы да по своим же!.. Так что не будет никакой войны. Поверь мне на слово. Не бу-дет!..

И вдруг глаза у водителя стали размером с полтинник. Я тоже взглянул на дорогу, и у меня перехватило дыхание. Прямо на проезжей части стояли два солдата: один – высокий, в камуфлированной форме, другой – небольшого роста, в хэбэ темно-песчаного цвета. Оба с автоматами и в касках. Лица закрывали черные маски с прорезями для рта и глаз. Увидев нас, тот, что в «песчанке», присел, укладывая на плечо... гранатомет!

– Ща жажнет! – завопил водитель, налегая на руль, и дал по тормозам.

Машина с визгом покатила в кювет. Но не успела остановиться, как мы распахнули дверцы и повалились в траву.

Примерно с полминуты мы напряженно ждали взрыва. Наконец я решился приподнять голову.

– По-моему, нас разыграли, – заметил я, вставая, и кивнул на убегающих по дороге парней в военной форме.

На дороге валялся брошенный «гранатомет». Я поднял его, осмотрел:

– Это муляж. Пустышка. Прикололись пацаны.

Водитель мигом оказался на ногах, и вслед исчезающим вдаль солдатам посыпался шквал непечатных слов.

– Ну, я им покажу, раз их так!.. Шутники, мля!.. – Водителя аж трясло от негодования, когда он снова усаживался за руль. – Я Петру Семенычу, командиру погранзаставы, скажу! Он им покажет, как шуточки шутить, так их мать!.. Я им так пошучу, мало не покажется, мля!..

– Что ж вы хотите – пацаны... – усмехнулся я, забираясь в выкатившийся из кювета автомобиль. – Вчера еще они во дворах в войнушку играли, а сегодня на них форму напялили да автоматы в руки дали.

Машина тронулась и спустя пару минут очутилась на вершине не так давно указанного мне водителем холма. Перед нами открылся долгожданный вид: внизу раскинулся небольшой поселок, слева и справа от которого вдаль убегали коричневые полосы распаханной земли, разделенные рядами колючей проволоки. Граница. По другую ее сторону тянулся насколько хватало глаз точно такой же, как и на этой стороне, ландшафт, с той лишь разницей, что там был Запад, а здесь – Восток.

– Вот тебе и Новый Раскол, – сказал водитель. – Вон, видишь, внизу здание с забором? Это наша восточная застава. А вон те вышки на дальнем холме – ихняя, западная. Тебе в какую?

– Просто высадите меня у КПП. Дальше я сам.

Водитель притормозил у первых домов поселка, пожал мне руку и покатил дальше. Как объяснил – «за бугор», родне огород пахать. Я пока остался на нашем «родном берегу». В десяти шагах от меня располагался КПП с развевающимся над ним флагом Восточной Республики и поднятым полосатым шлагбаумом у дороги. Около шлагбаума развалившись сидел на лавочке паренек в военной хлопчатобумажной (в народе называемой «хэбэ») песчаного цвета форме с автоматом и в каске. Когда я приблизился, он не изменил позы, явно не пытаясь меня остановить. Лишь лениво скользнул по мне взглядом.

«Да уж, похоже, чем дальше от столицы, тем меньше власть Устава», – подумал я.

– Рядовой, вы бы хоть встали, когда перед вами старший по званию, – с досадой сказал я.

Признаться, к тому моменту я всего месяц как выпустился из военного училища. Потому меня очень задевало то, что рядовые не воспринимают всерьез мои не так давно приобретенные офицерские погоны. И неважно, что с виду я не сильно отличался от солдат-срочников. Это и понятно, разница в возрасте ведь всего три-четыре года.

Сидящий у шлагбаума боец все же подчинился, но с таким видом, словно я заставил его черпать дерьмо сапогами. Это меня раздосадовало еще больше.

– А воинское приветствие вас отдавать не учили? – тоном наставника спросил я.

Рука солдата нехотя поднялась к виску. Причем сделал он это так, словно показал средний палец, а не козырнул старшему по званию.

– Пройти через границу можно, товарищ рядовой?

– Ступайте, – пожал плечами солдат. – Кто ж вам запретит-то?

Я уже хотел было пройти за шлагбаум, но не сдержался. Не мог не прибавить:

– А что, по правилам разве не нужно документы проверять?

На лице дневального мелькнула улыбка.

– Да тут столько народу за день проходит, задолбаешься у всех проверять... Но если вы так настаиваете! Ваши документы, товарищ... – Он внимательнее взглянул на мои погоны. – Хм... лейтенант!

Я протянул военный билет, сделав вид, будто не заметил издевки в его интонации.

– Все в порядке. Проходите. – Он даже не взглянул на удостоверение.

В этот момент из-за КПП выскочил еще один боец, тоже в каске и с автоматом. Я не был уверен на все сто процентов, но мне показалось, что именно его я видел несколько минут назад на дороге, когда наша машина улетела в кювет. Небольшого роста, форма темно-песчаная...

– Белый, ты где шарись?! – воскликнул первый солдат. – Давно твоя очередь у шлагбаума торчать.

Названный Белым, увидев меня, растерялся, что лишний раз подтвердило мою догадку. По всей видимости, меня он узнал: успел разглядеть в кабине мою ошарашенную физиономию, когда направлял на машину пустой гранатомет. Скорее всего, отправляясь пугать автолюбителей, они с приятелем не ожидали, что в машине окажется офицер.

– Я... это... по делам мотался... – заюлил Белый, с трудом переводя после бега дыхание.

При этом я заметил бегущего от восточного КПП в сторону западного поста еще одного бойца – в камуфляже. Это, похоже, второй...

Честно говоря, меня еще на дороге удивило то, что бойцы были в разной форме. Как мог оказаться западный солдат на восточной территории? Дело в том, что, когда после раскола страны в новообразованном западном государстве вводили новую военную форму, его правительство решило одеть солдат в камуфляж. Восток тут же объявил, что их бойцы станут носить «песчанку» – лишь бы не как у западников. Можете представить мое удивление, когда я увидел вместе бойцов двух разных государств? Причем «камуфлированный» был на нашей территории!

«Песчаный» шутник, по прозвищу Белый, по всей видимости, понял, что я его разоблачил, и смотрел на меня невинно-наглыми глазами. Я уже хотел было высказать ему все, что думаю о подобных шалостях, но не успел. К КПП подошла старушка с полиэтиленовым кульком и бидончиком в руках. Оба стража границы мигом потеряли ко мне интерес. Да это и неудивительно, ведь бабушка принялась вынимать из кулька пирожки и потчевать солдат.

Меня возмутило столь наглое нарушение воинского устава, да еще и в присутствии офицера (пусть даже и, как те пирожки, только что испеченного). Но, видимо, подобная трапеза была тут обычным делом. Я хотел указать бойцам, что негоже заниматься подобным во время наряда, но не успел – бабушка сунула пирожок и мне в руку, приговаривая: «И ты угощайся, милоч». Во вторую руку я получил кружку с молоком, которое бабушка щедро разливала из бидончика.

– Ага! Такая вот заботливая наша Варвара Филипповна, – жуя, подмигнул мне Белый.

Мне хотелось сквозь землю провалиться. Чувствуя себя неловко под насмешливыми взглядами солдат, но не в силах отказать старушке, я проглотил-таки один пирожок и запил все это дело молоком.

– Ну ладно, мне пора, – предпринял я попытку к бегству и уже шагнул за шлагбаум, как вдруг меня остановил обрадованный возглас кормилицы пирожками.

– А, так нам по пути! – воскликнула старушка. – Ты подожди, милоч, вместе и пойдем. Заодно поможешь мне бидончик донести.

Пришлось мне дожидаться, пока солдаты наслаждаются ее угощением.

– Так что, куда нести-то? – спросил я, наконец-то поспешно хватая бидончик.

– Вон к той таможенке, – махнула рукой старушка в сторону западного шлагбаума. – Угостила одних солдатиков, угощу и других. Они ведь все, и те и другие, наши.

Мы не спеша побрели по дороге, соединяющей два КПП. Идти предстояло всего пару сотен метров. По пути я с удивлением отметил, что поселок располагается не по одну из сторон границы, а находится непосредственно на ней. Колючая проволока тянулась прямо между домами.

Вокруг кипела обычная поселковая жизнь: куда-то спешили люди, девчонки-школьницы прямо на дороге играли в классики, мальчишки палили друг в дружку из пластмассовых пистолетов, у одного из домов за столиком рубились в карты мужики, сдабривая это дело веселой матерщиной. В общем, обычный такой поселок, каковых множество и на Востоке, и на Западе. Я прикинул на глаз население – тысячи три от силы. Домов этажом выше одного насчитал едва ли с десяток, да и то все они были сосредоточены в одном месте, которое, видимо, у местных считалось центром. Среди этого «центра» особенно выделялась трехэтажка с крыльцом-аркой и фасадными колоннами, этакая пародия на античную архитектуру. В этом здании, похоже, была сосредоточена вся культурная жизнь Нового Раскола. Если верить афишам на стенде у входа и вывескам на стенах, здание одновременно являлось поселковой администрацией и клубом – местом проведения собраний, дискотек, попоек и киносеансов. При этом заведение служило одновременно обоим государствам – колючая проволока границы упиралась в фасад и тянулась дальше с обратной стороны здания. У Дома местной культуры с торцов оказалось еще два входа. Справа, со стороны Востока, висела покосившаяся вывеска «Магазин», а слева, на Западе, над дверью красовались неоновые буквы «Кафе». И там и сям тусовались подвыпившие люди: справа – «соображающие на троих» местные забулдыги, слева – молодежь и офицеры, причем в формах обоих государств. Вообще, по пути я неоднократно встречал военных – от рядовых до офицеров, западных и восточных. Они свободно шатались по обе стороны границы, и что меня удивило, неоднократно я замечал в одной компании представителей обеих стран, которые вели себя как давние приятели. Ощущение складывалось такое, словно и нет никакой границы.

– А солдатикам-то что? И там свои, и там свои, – не переставала бубнить старушка. Я не слушал ее треп, но ей, похоже, это было и неважно. Она обращалась скорее к самой себе. – Все мы родня по крови. Чего нам делить: кто свои, кто чужие? Вот я их и угощаю – и тех, и других. Солдатикам-то нужно хорошо питаться. Они ведь защитники родины!

– Которой из них? – машинально спросил я.

– Родина для всех для нас одна, – ответила старушка. Но, видимо, поняла мой намек, так как тут же добавила: – Они говорят, мол, между нами война будет... А зачем она нужна, война-то? Войну могут хотеть лишь те, кто не видал ее, да те, кто сам под пули не полезет. Я две войны пережила – гражданскую да мировую. Упаси Господь кому увидеть такое! Мой дед (я так мужа зову) с войны живой вернулся. И слава Богу! А скольких не дождались? Вот два сыночка моих родненьких – нет! Оба слегли.

– Здравствуйте, Варвара Филипповна! – радостно приветствовали старушку дежурившие у западного КПП солдаты. – А мы только-только ваши замечательные пирожки вспоминали!

Старушка растаяла от похвалы и распахнула свой пахнувший сдобой кулек. Я решил не дожидаться, пока солдаты отведают халявные яства, вернул ей бидончик и сразу же обратился к одному из дневальных, мол, так и так, хочу перейти границу, посетить вашу доблестную воинскую часть да повидать одного бойца. Зовут Михаилом.

– У нас в части много Михайлов. Вам какой нужен? – ошарашил меня солдат.

Вопрос поставил меня в тупик. Дело в том, что я понятия не имел, какая у брата фамилия. Мать после развода повторно вышла замуж и дала Мишке фамилию нового супруга. Дедушка, мамин папа, периодически слал нам с отцом письма, но маму и брата называл только по именам.

– Ну дела-а, как все запущено... – только и сказал солдат, выслушав мою историю. – А фотография у вас хоть есть?

Нужно было видеть его глаза, когда я показал фото – единственное, которое у меня осталось. Я уже упоминал о нем.

– Да ему же тут лет десять! – поразился боец.

– Восемь, – уточнил я. – К сожалению, другого нет.

– Блин, вы бы его еще в пленках сфоткали... – Солдат озадаченно поскреб под кепкой. – Во дает!.. Родной брат, а ни фамилии, ни фоток. А откуда вы знаете, что он вообще здесь?

– В последнем письме дед написал, что Мишка закончил техникум и сразу же угодил под призыв. Служить отправили пограничником в Новый Раскол. Или есть еще один поселок с таким названием?.. В общем, мне как раз полагался отпуск после окончания военного училища, вот и подумал: дай-ка съезжу, может, разыщу брата... А что, у вас правда так много Михайлов в части?

– Ну, штук пять-шесть наберется. Серый, глянь. Может, ты узнаешь?

Подошел Серый – высокий солдат, тут же идентифицированный мной как второй участник проказы на дороге.

– На Борова нашего похож, – авторитетно заявил тот, почесав ногтем залепленную белым пластырем бровь. – Такой же мордастый.

– А Борова вашего... Его Мишкой зовут? – оживился я.

– Не-а, Витьком.

– Тогда не он.

– Кстати, Боров это не прозвище, а фамилия, – зачем-то уточнил первый солдат. – Все думают, что прозвище, а он обижается.

Я разочарованно убрал фотографию обратно в военный билет.

– Вы хоть свою фамилию скажите. Я поспрашиваю у ребят, может, кто и найдется.

Я назвал свою фамилию. Даже на бумажке записал для верности.

– А к вам в часть попасть реально? Чтобы самому поискать?

– Были б вы гражданским – без проблем, – покачал головой дневальный. – Но вы же в чужих погонах, да еще и офицер. Так что на территорию погранзаставы не пустят.

Я покосился на свободно переходящего границу прапорщика-восточника, который явно направился в сторону западной заставы.

– Ну, это ведь местные, – перехватил мой взгляд солдат. – Их тут каждая мышь знает. А если вас, чужака, пропущу, с меня же потом шкуру спустят... О, а вот и старший наряда идет. Спросите лучше у него. Может, и пропустит.

К КПП подошел хмурый высокий парень в распахнутом кителе с лейтенантскими погонами. Вид у него был такой, словно он секунду назад выбрался из потасовки. Видимо, так оно и было: беседуя с солдатами, я обратил внимание на доносящиеся из-за КПП крики. К тому же на его кителе не хватало пары пуговиц, а на щеке багровела свежая царапина. Меня он окинул сердитым, не сулящим ничего хорошего взглядом. Летеха молча выслушал мою просьбу и раздраженно отмахнулся:

– Не положено!

Я еще несколько минут постоял у западного шлагбаума, поглядывая на чужбину, в надежде разжалобить сурового лейтенанта, но тот даже не смотрел в мою сторону. Вынув штык-нож, он нервно что-то выцарапывал на стене КПП. Дневальные пожали плечами, мол, ничего нельзя поделать – сейчас он тут главный.

– Кстати, за границу можно через клуб пройти, – шепнул один из дневальных. – Войдете через правый вход, выйдете – через левый. Ну, или через дырку в ограждении. Их тут полно.

– Это ведь противозаконно! – возмутился я. – Нарушение государственной границы!

– Тогда не знаю, – пожал тот плечами, взглянув на меня как на ненормального. – Так все делают.

Отчаявшись, я наконец повернулся, чтобы уйти.

– Эй, летеха, погоди!

Я оглянулся. Хмурый офицер воткнул нож в шлагбаум и направился ко мне.

– Говоришь, ты хочешь на нашу заставу попасть?

– Очень.

– Если исполнишь одну просьбу, пропущу!

Меня, признаться, несколько насторожил его неожиданно доверительный тон. Видя мое сомнение, лейтенант прибавил:

– Даже бойца тебе дам в сопровождение, чтобы наше начальство не докопалось, почему чужак на территории. Ну так как, идет?

– Что за просьба? – осторожно спросил я.

– Да ничего особенного. Нужно записку передать одному... хм... человеку с восточной заставы. Ты ведь из восточных военных, так? Значит, тебя к ним в часть без проблем пропустят. Разущи лейтенанта по фамилии Левкин и отдай ему вот эту бумажку. Сейчас я только на ней кой-чего чиркну... Сделаешь?

Поручение мне показалось незамысловатым. К тому же иного способа попасть на западную заставу я пока не видел. Незаконно пересекать границу было не в моих правилах, а даже если и проникну, на территорию чужой воинской части все равно не пустят. Я кивнул. Летеха быстро что-то написал на бумажке и сунул ее мне в ладонь со словами: «Только передай лично в руки, ясно?» – после чего вернулся к шлагбауму, выдернул штык-нож и принялся дальше ковырять стену. Я же отправился поскорее выполнить поручение.

Восточная застава расположилась на территории бывшего сельхозпредприятия. По углам окружавшего его кирпичного забора добавили вышки, проходная стала контрольно-пропускным пунктом, контора – казармой и штабом. Просторный двор, по которому когда-то разъезжали тракторы и самосвалы, забетонировали и превратили в плац. На входе мне вежливо

kozyрнул дневальный и без всяких расспросов пропустил дальше. Признаться, после уставной строгости военного училища меня поразило царящее повсюду разгильдяйство. И это не где-нибудь, а на границе! Которая, как нам вечно долдонят, на замке! Впрочем, похоже, дела так обстояли лишь на границе между Востоком и Западом, которую признавали только правители этих государств, ее прочертившие. Люди же продолжали жить так, как жили до раскола страны, и протянутая колючая проволока была им до звезды, разве что ходить мешала.

На восточной заставе кипела какая-то веселая суета: проносились солдаты в парадной форме, развешивали флаги и воздушные шары, на плацу толкалась кучка гражданских.

– У вас что, какой-то праздник? – остановил я одного солдата, куда-то спешащего с транспарантом наперевес.

– Ну как же?.. Сегодня ведь День независимости! – бойко ответил тот и помчался дальше.

И точно! Я поразился себе: как же мог забыть? В этот самый день двенадцать лет назад произошло так называемое восстание, расколовшее нашу некогда единую страну. Как любят писать в газетах, «...сотни тысяч людей, устав от правительственного произвола, вышли на стольную площадь и потребовали отставки лживых западных чиновников!» (Ну, или восточных, если газета выходит на Западе). Я не могу читать подобные заметки без улыбки. Дело в том, что я самолично видел ту самую возмущенную «многотысячную толпу», о которой идет речь. Так получилось, что мы с отцом как раз находились в столице в момент, когда случилась так называемая революция. На площади толкались от силы пара-тройка сотен возмущенных политически активных бездельников, в то время как остальная часть населения занималась тем, чем и следует заниматься здоровым трудоустроенным людям в рабочий полдень. Зато, когда мы включили в гостинице телевизор, поразились: там показывали гигантские толпы людей, выкрикивающих цитаты из оппозиционных брошюр, размахивающих плакатами со словами «Доколе!» и «Долой!»; развеселые пьяные подростки громили дорогие машины и витрины, наслаждаясь тем, что подобные вещи можно делать безнаказанно – революция ведь! И мало кто мог заметить, что во всех этих «многотысячных» толпах на экране мелькают одни и те же лица. Операторы телеканалов постарались на славу, снимая одну и ту же толпу с различных ракурсов и в различных местах, великолепно создав эффект народной массы.

Это был первый день раскола. На второй, как пишут в СМИ, услышав призывы восставших, на зов требующих независимости угнетенных граждан откликнулась заграница. Журналисты умалчивают лишь о тех выгодах, которые эта самая заграница рассчитывала извлечь из сложившейся ситуации. К слову сказать, до сих пор ходят слухи, что именно заграница эту ситуацию и спровоцировала. Прозападную оппозицию тут же поддержала одна из сверхдержав и ввела на западную территорию свои миротворческие войска. Видя такое дело, Восток обратился за помощью к другой сверхдержаве – политическому конкуренту первой – и, конечно же, заручился ее поддержкой. Не прошло и пары дней, как на нашей земле уже стояли армии готовых вцепиться друг другу в глотки миротворцев: с авиацией, танками, артиллерией, многотысячной пехотой.

К счастью, у революционеров хватило ума сообразить, во что превратится наша земля, если их союзники пустят в ход свои средства наведения мира. Обе стороны тут же согласились на компромисс – собрали примирительный совет. Правительство прежнего единого государства «добровольно» подало в отставку. Впрочем, оно и не могло остаться, ведь страны, управлять которой его избрали, уже официально не существовало. Запад и Восток тут же назначили себе новых глав из числа оппозиционеров (естественно, приняв во внимание рекомендации покровительствующих им сверхдержав). Что касается политически неактивного трудового населения, оно в рабочей и бытовой суете не особенно следило за новостями, знало лишь о том, что в стране что-то где-то как-то происходит... А потом люди с удивлением узнали, что их некогда единой страны больше нет и теперь они граждане двух независимых государств: Восточной и Западной Республик. А уж которой из них – зависело от того, кто на какой стороне

оказался в момент раскола. Вот краткая история появления у нас праздника, пафосно именуемого «День независимости». Неудивительно, что большинство населения обеих республик относится к нему скептически, а многие, как и я, и вовсе забывают о его существовании.

Поиски лейтенанта Левкина привели меня сначала в казарму, а оттуда – в солдатскую каптерку. Пробраться туда оказалось непросто: у входа толпилось десятка два бойцов, получающих парадную форму. Праздник был хоть и не особенно почитаемым, зато официально объявленным «красным днем календаря». А для солдата это отличная возможность смотаться в увольнение.

– Лейтенант Левкин точно там? – с сомнением спросил я у солдат.

– Да там он, там.

Мне удалось-таки пробраться внутрь каптерки. Там я обнаружил раздающего форму каптерщика, а у дальнего окна сидели трое полуголых парней. Одному из них, несмотря на тесноту, умудрялись набивать татуировку самопальной чернильной машинкой (у нас курсанты тоже делали такие из старых механических бритв). На плече по карандашному контуру медленно вырисовывалось лицо симпатичной девушки.

– Простите...

В меня уперлись удивленные взгляды.

– Мне сказали, что тут я могу найти лейтенанта Левкина.

– Ну я Левкин. Что нужно? – огородил меня один из полуголых парней – тот самый, которому били татуировку. Тут только я заметил, что на спинке стула позади назвавшегося Левкиным висит китель с лейтенантскими погонами. Офицер! А на вид не скажешь... «Вот почему некоторые наши курсанты к выпуску отпустили усы, – подумал я. – Хоть мы и получаем в двадцать два года офицерское звание, внешне все равно мало отличаемся от девятнадцатилетних срочников – пацаны пацанами...» Мне вдруг захотелось взглянуть в зеркало: неужели и я так несерьезно выгляжу? Я тут же постарался придать своему лицу взрослое выражение.

– Хороша, – кивнул я на незавершенный портрет девушки.

– А то!.. Всегда мечтал жениться на иностранке, – улыбнулся Левкин и подмигнул бившему татуировку бойцу. Тот кивнул в ответ. Видимо, они оба знали, о ком идет речь.

– И не стыдно вам, товарищ лейтенант, заниматься подобными делами? – не сдержался я. Улыбка тут же пропала с лица Левкина.

– Устав вроде бы этого не запрещает, – растерянно ответил тот.

– Устав... – с усмешкой повторил я. – А как же офицерская честь? Запрещает, не запрещает... Есть такое понятие – дисциплина! Какой пример вы подаете своим подчиненным?

Левкин насупился.

– Тебе-то что? – вдруг вспыхнул он, надевая китель. – Ты кто, вообще, такой, чтобы мне мораль читать?

Я тут же вспомнил причину своего прихода.

– Ах да. Я к вам по делу. Меня попросили записку передать.

Я вынул из кармана бумажку.

Левкин долго рассматривал послание, хотя видно было, что там от силы несколько слов.

– Значит, ты от этого?.. – холодно спросил он. – Хорошо. Передай, что я приду на озеро. Как только кончится построение.

И, сказав это, Левкин с презрением отвернулся. Мне стало не по себе. Дело пахло конфликтом.

– Что еще? – Он заметил, что я все еще наблюдаю, как он нервно застегивает китель.

Я повернулся и пошел к выходу. В принципе, мне-то что? Мне нужно попасть на западную заставу, остальное меня не касается.

На плацу между тем готовились к праздничному построению. Офицеры вывели и выстроили вдоль белой линии свои отделения. Появился и Левкин с горсткой своих подчиненных. Он

хмуро глянул на меня и тут же отвернулся. У небольшой фанерной трибуны толпились гражданские и с умилением смотрели на стоящих в самом конце строя четверых солдат в совсем новой мешковатой, не подогнанной еще форме песчаного цвета. Сразу видно – новобранцы. По их серьезным напряженным лицам я понял, что им в этот день выпала честь стать бойцами Вооруженных сил Восточной Республики. А гражданские – это родители, приехавшие посмотреть, как будут давать присягу их чада.

– Смирно! – прогремела команда.

Строй вздрогнул и замер. К трибуне вышел высокий худощавый подполковник – с седой в волосах, но с юным задорным блеском в глазах. Я догадался, что это начальник заставы.

– Здравия желаю, бойцы! – воскликнул он, как-то по-гусарски усмехаясь в усы.

Ему ответил несколько нестройный хор, больше напоминающий собачий лай.

– Поздравляю вас с Днем независимости! – И тише подполковник прибавил: – Хотя и не совсем понятно – независимости от кого... Но все равно поздравляю.

– Ура! Ура! Ура! – пролаял строй.

Затем подполковник произнес небольшую речь о воинском долге, дисциплине и чести, обильно вплетая в нее армейские шутки-прибаутки. Солдаты слушали с добродушными улыбками, было видно – командира любили и уважали. В заключение «батяня» пообещал отпустить всех желающих в увольнение (кроме тех, кто в наряде, конечно), но не преминул строго прибавить: «Кто попадется патрулю в поселке без увольняшки, отправится прямиком... куда? Правильно, на гауптвахту! Про распитие спиртных напитков, думаю, и говорить не стоит». Последнюю фразу солдаты встретили веселым ропотом, который мог означать лишь: ну-ну, в праздник и не выпить? Я улыбнулся, вспомнив, в каком состоянии возвращались в расположение училища наши курсанты, отметившие в городе День независимости. Некоторые настолько плохо держались на ногах, что с вечерней проверки их буквально уносили на носы гауптвахты. А теперь эти люди, став командирами, небось учат солдат, что злоупотреблять алкоголем – для военного это плохо!

Дело подошло к присяге. Гражданские оживились.

– Бойцы! – обратился подполковник к новобранцам. – Сегодня вы вступаете в ряды Вооруженных сил нашей Восточной Республики. Хочу напомнить, что торжественная клятва, которую вы сейчас дадите, налагает на вас огромную ответственность. С этого дня именно от вас, от вашей выдержки и воинской подготовки будут зависеть свобода и мир нашей земли. Так будьте достойны формы, которую носите!

Глядя на героические лица вышагивающих по плацу юнцов с бережно прижатыми к груди автоматами, я невольно вспомнил, какие чувства сам испытывал пять лет назад. Гордость, радость, а главное – осознание того, что я вот-вот стану частью важной системы. Пусть и маленькой частичкой, зато могучих Вооруженных сил. Тех самых сил, что тысячелетиями вставали на защиту своей земли. Сжимая не так давно выданное мне боевое оружие, я и сам ощущал себя эдакой вооруженной силой. Мои пятки болели, стертые в кровь от тренировок на плацу, – нас несколько недель гоняли по строевой подготовке. Но на присяге я маршировал безупречно, чеканя шаг и думая лишь о глазах отца, которые жадно следили за каждым моим движением, каждым поворотом, каждым словом. Я с волнением прочел наизусть вызубренные слова присяги и вернулся в строй исполненный гордости за свою страну, за былые победы моих прославленных отважных предков и за себя – с этого дня тоже ставшего защитником Родины. Уверен, прикажи мне страна в тот момент броситься на амбразуру вражеского дота, я сделал бы это незамедлительно, без лишних раздумий. Думаю, нечто подобное творилось и в головах тех пареньков, что шагали тогда по плацу.

«Я, гражданин Восточной Республики, вступая в ряды Вооруженных сил, принимаю присягу и торжественно клянусь, – с горящими глазами выкрикивал очередной новобранец, – быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную

и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников. Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Родине и Правительству. Я всегда готов по приказу Правительства выступить на защиту моей Родины – Восточной Республики, и как воин Вооруженных сил я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами. Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнут суровая кара нашего закона, всеобщая ненависть и презрение народа».

Наконец последний из новобранцев вернулся в строй, и залп автоматного салюта обозначил, что праздничное построение подходит к концу. Это напомнило мне причину, по которой я оказался здесь. Надо ведь сказать тому летехе, что я передал сообщение! Я поспешил обратно к западному КПП.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.